

УДК 338.124.4(571.14)

РЕГИОНАЛЬНАЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ В КОНТЕКСТЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА (НА ПРИМЕРЕ РЕГИОНОВ СИБИРСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА)

Е.А. Морозова

д-р экон. наук, профессор, зав. кафедрой менеджмента им. И.П. Поварича
ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет» (КемГУ)

А.В. Мухачёва

канд. экон. наук, ст. преподаватель кафедры менеджмента им. И.П. Поварича КемГУ (Кемерово)

Представлена авторская методика оценки социально-экономической дифференциации регионов на основе анализа динамической реакции показателей территориального развития на возникающие кризисные явления. Аналитическая база включает расчет 7 экономических и 27 социальных показателей за 2003–2014 гг. в разрезе 12 регионов Сибирского федерального округа. Применение полученных результатов в управленческой практике будет способствовать формированию эффективной антикризисной политики, ориентированной на устранение наиболее проблемных зон в региональном социально-экономическом пространстве.

Ключевые слова: региональная социально-экономическая дифференциация, экономический кризис, региональные особенности, типы регионов, региональная социально-экономическая политика.

Социально-экономическая пестрота российского многорегионального пространства, неизбежно возникающая вследствие его географического размаха, подчеркивается исследователями на протяжении всей истории национального развития [1]. Данная

проблема формирует запрос на разработку эффективных и доступных для научных и управленческих целей методик пространственного районирования, оценки региональной социально-экономической дифференциации, обоснования типологии территорий.

Использование таких методик должно способствовать управленческому прогрессу в реализации региональной политики, сглаживанию территориальных различий и максимально эффективному использованию преимуществ регионального социально-экономического положения и внутренних резервов субъектов РФ, что приобретает особую значимость в условиях экономических кризисов.

Рассмотрим существующие подходы к измерению и оценке территориальной социально-экономической дифференциации и типологизации регионов. В отечественной практике используют классические типологии регионов по уровню экономического развития на основе политико-социального (А. Лавров, И. Заславский, Ф. Прокопов), функционального, функционально-стоимостного, инвестиционного подходов (К. Гусева, О. Грицай и А. Трейвиш), подхода, предлагаемого новосибирской региональной школой (М.К. Бандман), подхода с позиций инновационной привлекательности [2].

Некоторые исследователи при оценке и классификации регионов по уровню экономического развития акцентируют внимание на отдельных его аспектах [3]. Так, О.В. Баканач и К.В. Гаус предложили методику социально-экономической дифференциации территорий по уровню развития промышленного потенциала с использованием таких показателей, как объем отгруженных товаров собственного производства, оборот промышленных предприятий, удельный вес работающих в данной сфере, рентабельность промышленных предприятий, инфляция, уровень цен на производимую продукцию и т.д. [4]. Типологизация регионов на основе рейтинга инвестиционной привлекательности агентства «Эксперт РА» предполагает выделение групп: локомотивы роста; опорные регионы; полюсы роста; точки роста; регионы, не определившиеся с перспективой; проблемные регионы; регионы особого внимания [5].

Известна классификация регионов Л.М. Григорьева, Ю.В. Урожаевой 2003–2006 гг. по уровню душевого ВРП, структуре экономики, ориентации на рынки, качественным характеристикам географического положения, институциональным факторам. Исследователи выделяли следующие классификационные группы регионов: лидеры (столицы, сырьевые экспортно-ориентированные), развитые (с элементами постиндустриальной экономики, со сбалансированной промышленностью, с опорой на сырье), среднеразвитые (промышленные, аграрно-промышленные), менее развитые (сырьевые депрессивные, остальные аграрные республики). Авторы указывали, что «...внешние условия развития регионов серьезно изменились в связи с воздействием экономического кризиса, который начался в 2008 г.» [6] и классификация должна быть пересмотрена.

Оценка регионов по уровню экономического развития, выполненная Е.А. Абрамовой, во многом повторяет предыдущую и базируется на показателях объема инвестиций в основной капитал, среднедушевых доходов населения, потребительских расходов, валового регионального продукта, оборота розничной торговли, средней заработной платы [7].

По мнению Т.Г. Морозовой, в условиях развития рынка можно выделить три типа регионов России в зависимости от особенностей их социально-экономического развития: трудоизбыточные (таковых в рамках Сибирского федерального округа (СФО) не имеется), оборонно-промышленные (в том числе промышленные узлы юга Сибири), многоотраслевые и депрессивные (значительная часть зоны Севера). Особое внимание автор уделяет развитию сельского хозяйства, полагая, что с развитием рыночных отношений можно будет выделить пять сельскохозяйственных территорий России: фермерские регионы со значительной долей частной собственности (в том числе земледельческие районы южной части Восточной Сибири и Дальнего Востока); регионы, где крупные коллективные хозяйства функционируют наряду с фермерскими (юг Западной Сибири в рамках СФО); горные регионы (Республика Алтай); территории отгонно-пастбищного животноводства (Тыва, Бурятия, Забайкальский край); слабо освоенные территории с очаговым развитием земледелия и особым режимом землепользования (основная часть зоны Севера) [8].

Авторский коллектив Института экономики переходного периода (Б. Бутс, С. Дробышевский, О. Кочеткова, Г. Мальгинов, В. Петров, Г. Федоров, А. Хехт, А. Шеховцов, А. Юдин) при разработке подхода к классификации регионов выделил три характеристики экономической ситуации, которые необходимо учитывать при изучении проблем экономического развития и формировании региональной социально-экономической политики: уровень жизни населения, инвестиционная деятельность, экономический потенциал [9].

Согласно методике типологизации регионов по уровню социально-экономического развития Н.В. Зубаревич, среди них выделяются: группа лидеров (регионы, экономика которых пережила спад, ориентируясь на экспорт сырья и промышленной продукции первого передела); срединная группа (большинство регионов); группа аутсайдеров (слаборазвитые и депрессивные территории) [10]. По мнению О.В. Глушаковой, уровень социально-экономического развития региона определяется характеристиками входящих в его структуру муниципальных образований, такими как промышленный, культурный, сельскохозяйственный, финансовый, бюджетный, инвестиционный, инновационный, человеческий, культурный потенциалы [11].

В рамках методики специалистов ИЭОПП СО РАН (В.Л. Куперштох, В.М. Соколов, С.А. Суспицын) регионы классифицируются на следующие группы: отсталые с ухудшением уровня, отсталые с сохранением уровня, отсталые с улучшением уровня, благополучные с ухудшением уровня, благополучные с сохранением уровня, благополучные с улучшением уровня [12].

Большинство известных сегодня методик оценки социально-экономической дифференциации регионов имеет «статический» характер, то есть не учитывает специфику динамического изменения индикаторов развития регионов во времени. В качестве исключения следует отметить работу О.В. Глушаковой и Я.А. Вайсберг «Оценка эффективности стратеги-

ческой архитектуры системы публичного управления социально-экономическим развитием территории», в которой предложена методика интегральной оценки уровня и динамики развития социальных и экономических процессов. Результатом применения методики стало разделение регионов СФО на типологические группы с учетом уровня развития социальных и экономических процессов и скорости их реакции на изменения внешней и внутренней среды [13].

Нами также был предложен инструмент оценки социально-экономической дифференциации регионов, учитывающий изменение показателей во времени. Результаты разработанной нами методики типологизации регионов на основе статико-динамического анализа их социально-экономического положения относительно федерального уровня описаны в [14; 15]. Затем было решено пойти дальше: проинвестировать социально-экономическую дифференциацию регионов СФО на основе специфики изменения их социальных и экономических индикаторов в рамках кризисных периодов. Общеизвестные аналоги предлагаемого методического инструментария отсутствуют, между тем, его применение несет в себе значительный потенциал для поиска путей повышения эффективности социально-экономической политики на фазе экономического спада, наблюдаемого сегодня в стране и регионах СФО.

В целях формирования соответствующей аналитической базы нами были использованы *семь экономических показателей*: ВРП на душу населения (тыс. руб.); инвестиции в основной капитал (руб. на душу населения); экспорт (дол. США на душу населения); сальдированный финансовый результат (тыс. руб. на душу населения); индекс промышленного производства (% к предыдущему году); затраты на технологические инновации (руб. на душу населения), степень износа основных фондов (%). Также мы выделили *27 социальных показателей*, косвенно перекликающихся с экономическими, и сгруппировали их в 9 блоков:

- демографические показатели: естественный прирост (убыль) населения в расчете на 1 тыс. чел. населения; миграционный прирост (убыль) населения на 10 тыс. чел. населения; ожидаемая продолжительность жизни (лет); число разводов на 1 тыс. браков;

- уровень жизни: среднедушевые доходы населения (тыс. руб.); удельный вес населения с денежными доходами ниже прожиточного минимума – масштаб бедности (%); коэффициент фондов (дифференциация по доходам); число легковых автомобилей на 1 тыс. чел. населения;

- рынок труда: уровень безработицы по методологии МОТ (%);

- потребительские условия и ЖКХ: площадь жилья на душу населения (м²); оборот розничной торговли на душу населения (руб.); оборот платных услуг на душу населения (руб.); удельный вес расходов на ЖКХ в объеме расходов консолидированного бюджета субъекта (%) (расчетный показатель); индекс потребительских цен;

- охрана здоровья и природной среды: заболеваемость на 1 тыс. чел. населения с впервые

- зарегистрированным диагнозом (число случ.); число врачей и среднего медицинского персонала на 10 тыс. чел. населения (расчетный интегральный показатель, объединяющий два частных); коэффициент младенческой смертности (число детей, умерших в возрасте до 1 года, на 1 тыс. родившихся живыми); удельный вес затрат на здравоохранение в объеме расходов консолидированного бюджета (%) (расчетный показатель); сброс загрязненных вод в поверхностные объекты (м³ на душу населения) (расчетный показатель);

- образование: численность детей в дошкольных образовательных учреждениях в общей численности детей дошкольного возраста (%); численность учащихся в учреждениях среднего профессионального образования на 1 тыс. чел. населения (расчетный показатель); численность учащихся в вузах на 1 тыс. чел. населения (расчетный показатель); удельный вес затрат на образование в объеме расходов консолидированного бюджета субъекта (%) (расчетный показатель);

- развитие сферы культуры: число посещений профессиональных театров и музеев в расчете на 1 тыс. чел. населения;

- социальная политика: удельный вес затрат на социальную политику в объеме расходов консолидированного бюджета субъекта (%) (расчетный показатель);

- криминогенная обстановка: число зарегистрированных преступлений на 100 тыс. чел. населения [15].

В качестве анализируемого периода взят промежуток 2003–2014 г. (12 лет), объектом анализа стали 12 регионов СФО. При разработке методики была поставлена задача количественно оценить масштаб снижения показателей уровня экономического развития и качества жизни в период мирового финансового кризиса 2008 г. и посткризисный (2010–2014 гг.) период. Границы формирования кризисных явлений для каждого из индикаторов качества жизни планировалось определить эмпирическим путем. Также была поставлена задача зафиксировать возможные кризисные «волны» в посткризисный период. В результате анализа предполагалось построение линии экстраполяции на основе значений показателей качества жизни докризисного периода и оценки отклонения фактических значений от прогнозных (в случае, если бы кризиса не было). В общем виде схема реализации данного подхода представлена на рис. 1.

По большинству показателей качества жизни и уровня экономического развития рост до 2008 г. сменяется снижением в 2009–2010 гг. с последующим повышением с 2011 г. (с учетом возможности появления новых кризисных волн в 2012–2014 гг.). При этом зависимость может быть как прямой (рост сменяется снижением в период кризиса, например у показателя доходов населения), так и обратной (снижение сменяется ростом в кризис, как у показателя масштаба бедности). В последнем случае данный рисунок приобретает зеркально перевернутый вид. (Заметим, однако, что фактическая динамика конкретных показателей уровня экономического развития и качества жизни менее однозначна.)

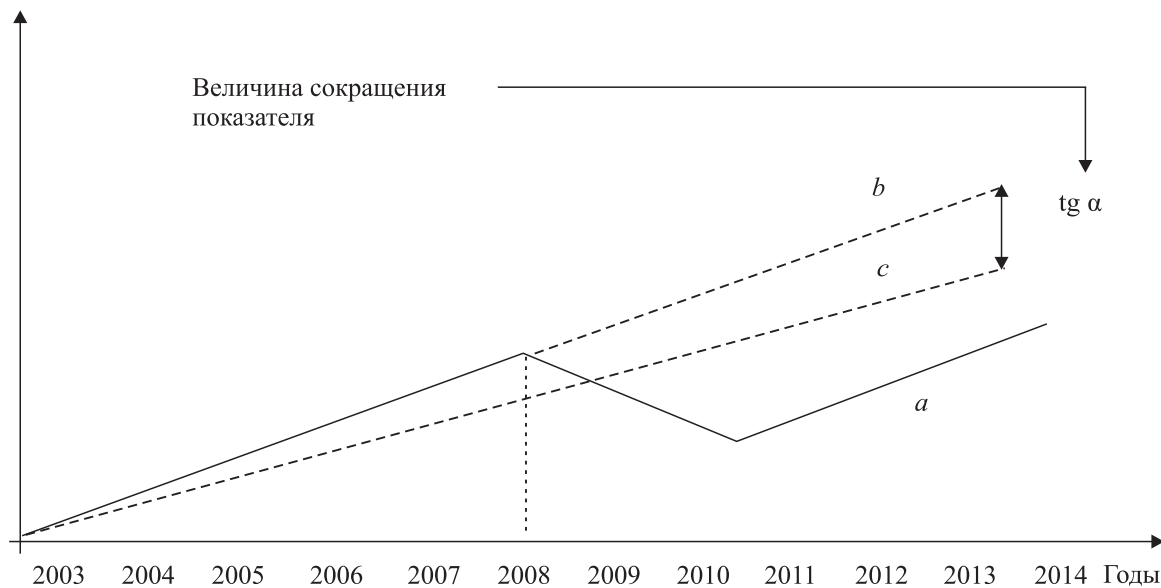

Рис. 1. Анализ величины снижения показателей уровня экономического развития и качества жизни после наступления кризисных явлений на основе отклонения фактических значений показателей от прогнозных при сохраняющихся темпах экономического роста:

a – фактические значения показателя; b – линия экстраполяции на основе значений докризисного периода (2003–2008 гг.); c – линия экстраполяции на основе всех значений анализируемого периода (2003–2014 гг.) [16]

Линейное уравнение тренда в общем виде может быть представлено известным образом:

$$Y = kX + b,$$

где k, b – коэффициенты линейного уравнения;
 X – изменяемый параметр;
 Y – зависимая величина.

Анализ изменений средних тенденций динамики показателей производился в несколько этапов:

1) выведение программными методами линейного уравнения (линии тренда), описывающего изменение значений показателей в докризисный период (2003–2008 гг.);

2) экстраполяция линии тренда докризисного периода на 2009–2014 гг. для получения прогнозных данных показателя при сохраняющихся темпах экономического роста (построение линии b на рис. 1);

3) выведение программными методами линейного уравнения (линии тренда), описывающего изменение значений показателей в течение всего анализируемого периода (2003–2014 гг.) с учетом их снижения в период кризиса (построение линии c как средней тенденции линии на рис. 1);

4) расчет величины отклонения линии экстраполяции по данным докризисного периода (линия b) от линии тренда фактических значений за весь анализируемый период (линия c) на основе вычисления тангенса угла между указанными прямыми – количественной оценки снижения показателей уровня экономического развития и качества жизни при наступлении кризисных явлений.

Показатель снижения социально-экономических индикаторов – тангенс угла между полученными линиями b и c (значения измеряются в пределах от 0 до 1) – рассчитывается по формуле:

$$\operatorname{tg} \varphi = \frac{k_2 - k_1}{1 + k_2 \cdot k_1},$$

где k_2, k_1 – коэффициенты при параметре X линейных уравнений линий экстраполяции;
 φ – угол между линиями экстраполяции.

Для приведения значений показателей к единой шкале целесообразно оперировать стандартизованными данными. В целях анализа величины снижения показателей при расчете принимается максимальное негативное отклонение средней линии тренда по сравнению с докризисным периодом (2003–2008 гг.) в 2009–2014 гг., независимо от того, на какой год оно пришлось. Это позволяет оценить возможные «лаги» (запаздывания) в степени «реакции» отдельных показателей качества жизни на экономические колебания. Для удобства представления все негативные отклонения показателей в период кризиса, интегрированные в разрезе сфер качества жизни, были обращены в противоположные по знаку числа (умножены на минус 1).

Учитывая обилие социальных показателей в аналитической базе и декларируемую многими исследователями разнородность социальных сфер жизни общества [17], мы представили данные о степени влияния кризиса в разрезе различных блоков. Указанные оценки с учетом ранжирования регионов по рейтингу сгруппированы в таблицу (чем больше значение показателя, тем сильнее влияние кризиса на показатели). Данные по отрицательному влиянию кризиса на уровень преступности не приведены, так как оно отсутствует (кроме Республики Бурятия).

Распределение регионов по степени влияния экономического кризиса на отдельные блоки социальных показателей

Демография	Уровень жизни		Уровень безработицы		Потребительские условия и ЖКХ		
Республика Тыва	0,3	Забайкальский край	0,52	Республика Бурятия	0,65	Забайкальский край	0,12
Кемеровская область	0,25	Республика Тыва	0,18	Кемеровская область	0,45	Новосибирская область	0,09
Республика Бурятия	0,21	Иркутская область	0,18	Иркутская область	0,4	Республика Бурятия	0,09
Республика Хакасия	0,21	Омская область	0,17	Томская область	0,39	Алтайский край	0,06
Иркутская область	0,21	Новосибирская область	0,14	Республика Тыва	0,38	Иркутская область	0,06
Томская область	0,2	Республика Алтай	0,1	Алтайский край	0,35	Республика Хакасия	0,06
Республика Алтай	0,18	Кемеровская область	0,08	Республика Хакасия	0,31	Томская область	0,06
Забайкальский край	0,18	Республика Бурятия	0,08	Новосибирская область	0,29	Республика Алтай	0,05
Алтайский край	0,08	Алтайский край	0,07	Красноярский край	0,17	Республика Тыва	0,05
Красноярский край	0,08	Красноярский край	0,07	Республика Алтай	0,15	Красноярский край	0,04
Омская область	0,08	Республика Хакасия	0,06	Омская область	0,11	Кемеровская область	0,02
Новосибирская область	0,07	Томская область	0,05	Забайкальский край	0,07	Омская область	0,01
Охрана здоровья и окружающей среды							Социальная политика
Республика Тыва	0,36	Республика Бурятия	0,58	Республика Тыва	0,36	Республика Тыва	0,3
Забайкальский край	0,29	Республика Тыва	0,29	Алтайский край	0,26	Республика Бурятия	0,22
Республика Алтай	0,27	Республика Хакасия	0,22	Республика Алтай	0,23	Республика Хакасия	0,17
Омская область	0,26	Республика Алтай	0,2	Омская область	0,16	Омская область	0,17
Республика Хакасия	0,19	Красноярский край	0,2	Забайкальский край	0,15	Республика Алтай	0,16
Томская область	0,18	Иркутская область	0,2	Томская область	0,13	Красноярский край	0,16
Иркутская область	0,13	Алтайский край	0,19	Новосибирская область	0,12	Иркутская область	0,16
Алтайский край	0,12	Омская область	0,19	Республика Бурятия	0,11	Томская область	0,12
Красноярский край	0,12	Кемеровская область	0,17	Иркутская область	0,11	Алтайский край	0,07
Новосибирская область	0,12	Забайкальский край	0,15	Республика Хакасия	0,05	Забайкальский край	0,05
Кемеровская область	0,1	Новосибирская область	0,15	Красноярский край	0	Новосибирская область	0,05
Республика Бурятия	0,08	Томская область	0,13	Кемеровская область	0	Кемеровская область	0

Исходя из полученных результатов заключаем, что в демографическом отношении более всех пострадали республики Тыва, Бурятия, Хакасия, а также Кемеровская и Иркутская области. Следует отметить, что в указанных республиках в докризисный период зафиксированы самые высокие показатели рождаемости, а в областях – показатели миграционного прироста. Уровень жизни в большей степени (с существенным отрывом от других регионов СФО) снизился в период кризиса в Забайкальском крае. Безработица в сложных экономических условиях совершает особенно резкие скачки в Республике Бурятия, где значительная доля населения трудится в бюджетной сфере, и в Кемеровской области, экономика которой «завязана» на добывающей промышленности.

Сферы потребительских услуг и ЖКХ более всего страдают от экономических флуктуаций в Забайкальском крае и Новосибирской области, охраны здоровья и окружающей среды – в республиках Тыва и Алтай, в Забайкальском крае и Омской области. Максимальное снижение численности учащихся в образовательных учреждениях и сокращение доли расходов бюджета на образовательную сферу при возникновении его дефицита регистрируется в республиках Бурятия, Тыва и Хакасия, где занятость в образовательной сфере особенно велика. Посещаемость театров и музеев в период кризиса остается высокой в республиках Тыва и Алтай, в Алтайском крае, а наибольшее снижение удельного веса расходов на социальную политику при экономическом спаде зафиксировано в республиках Тыва и Бурятия.

Таким образом, чаще всего наибольшее снижение показателей развития различных областей социальной сферы демонстрируют республики Тыва,

Бурятия и Забайкальский край, то есть наименее экономически развитые территории СФО. Незначительное влияние кризиса на социальные показатели по большинству областей социальной сферы ощутили регионы с развитой экономикой – Новосибирская, Омская, Томская, Кемеровская области и Красноярский край.

Представляет интерес динамика «проседания» в период кризиса экономических показателей и ее соотношение с изменениями в социальной сфере. В целях наглядного сопоставления величины снижения интегральных экономических и социальных показателей при наступлении кризисных явлений представим динамику их изменения графически (речь идет о максимальном отрицательном отклонении социальных и экономических показателей в 2009–2014 гг. по сравнению с докризисным периодом 2003–2008 гг., которое оценивается как значение тангенса угла между прямыми фактического и прогнозного трендов) (рис. 2).

На основе полученных значений проведем социально-экономическую дифференциацию регионов СФО в контексте специфики кризисных изменений, разделив их условно на три кластера:

– *регионы с опережающим уменьшением социальных показателей по сравнению с экономическими*. Лидерами негативных изменений показателей качества жизни в 2009–2014 гг. при существенно более низком снижении экономических показателей стали республики Бурятия, Тыва, в некоторой степени – Иркутская область: здесь качество жизни ухудшалось ускоренными (в ряде случаев – кратно) темпами по сравнению с экономическими показателями;

– *регионы с близким по значениям снижением экономических и социальных показателей* в период кризиса. В данную группу вошли республики Алтай,

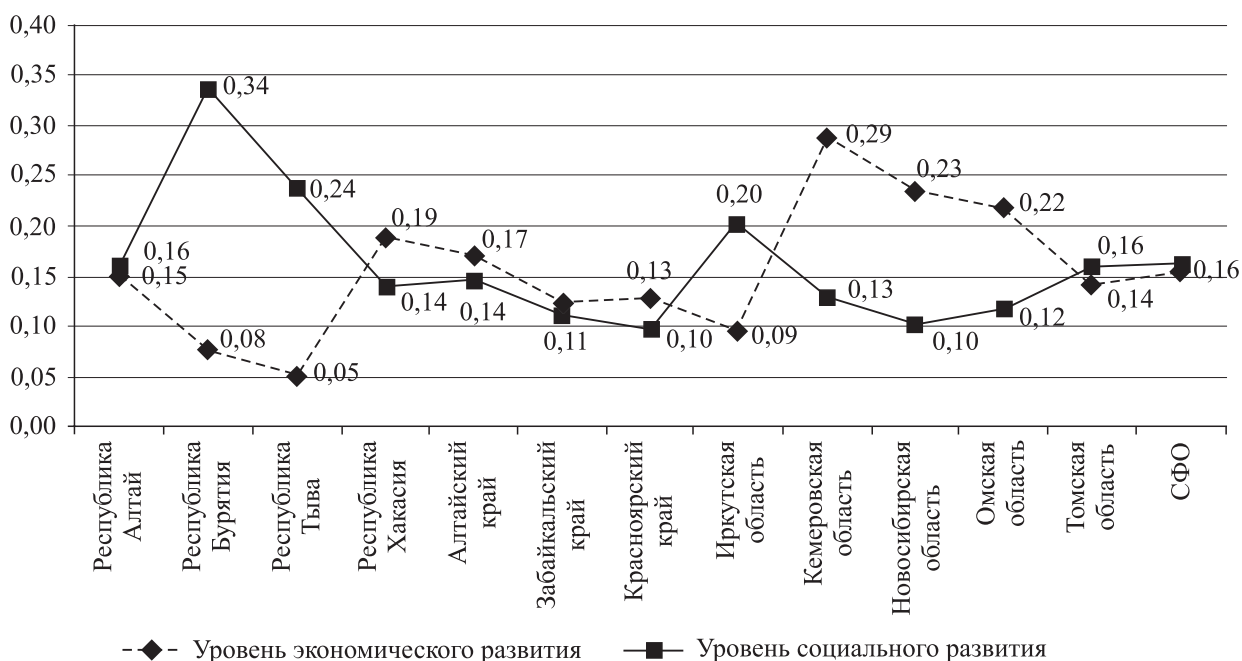

Рис. 2. Сопоставление величин максимального сокращения интегральных экономических и социальных показателей в кризисный и посткризисный период (2009–2014 гг.) [17]

Хакасия, а также Алтайский, Красноярский, Забайкальский края и Томская область. Для данных территорий в полной мере можно констатировать прямую зависимость между социальными и экономическими показателями;

– *регионы с опережающим снижением экономических показателей по сравнению с социальными и в абсолютном выражении.* Максимальное влияние кризиса на экономические показатели в СФО наблюдается в Кемеровской, Новосибирской и Омской областях. Однако социальные показатели в указанных областях страдают значительно меньше за счет накопленных ранее резервов, достигнутого уровня развития и эффективной деятельности органов власти в сфере социальной политики.

В среднем по СФО степень влияния кризиса на социальные показатели статистически соответствует его влиянию на экономические показатели, что в очередной раз подчеркивает их тесную взаимосвязь.

Результаты анализа годовых оценок проседания экономических и социальных показателей позволили сделать ряд выводов:

– максимальное сокращение экономических показателей приходится на 2009 г. (пик мирового финансово-экономического кризиса 2008 г.) и на 2014 г. (снижение показателей в данный период даже несколько сильнее, чем в 2009 г.);

– по большинству социальных показателей максимальное падение наблюдается в 2014 г.;

– беспрецедентные для анализируемого периода негативные изменения зафиксированы почти во всех регионах по таким сферам, как уровень жизни, рынок труда, потребительские условия и ЖКХ, охрана здоровья и состояние экологии;

– темпы снижения демографических показателей, часто отличающиеся задержкой в реакции на кризисные явления, стабильно нарастают с 2009 до 2014 г. включительно, достигнув в 2014 г. своего максимума.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что экономика регионов СФО, как и страны в целом, вступила в 2014 г. в серьезный экономический кризис, по масштабам своих последствий в социальной и экономической сферах сравнимый, а в отдельных случаях даже превосходящий своего предшественника – мировой финансово-экономический кризис 2008 г. Следовательно, необходима экстренная концентрация усилий органов государственной власти регионов, в том числе входящих в СФО, на разработке и реализации эффективной антикризисной политики с опорой на передовые научные достижения в области экономического прогнозирования кризисных ситуаций и с использованием инструментов оценки степени дифференциации территориального развития в контексте кризисных явлений в экономике, включая представленную авторскую разработку.

Литература

1. Гранберг А.Г. Стратегия территориального социально-экономического развития России: от идеи

к реализации // Вопросы экономики. 2001. № 9. С. 15–27

2. Морозова Е.А., Шабашев В.А. Уровень жизни, качество жизни, социальная защищенность – общее и особенное // Вестник Кузбасского государственного технического университета. 2005. № 6 (51). С. 103–109.

3. Храпылина Л.П. Новые методологические подходы к оценке качества жизни отдельных категорий населения // Уровень жизни населения регионов России. 2011. № 9. С. 27–32.

4. Баканач О.В., Гаус К.В. Типология регионов РФ по уровню развития промышленного потенциала // Проблемы совершенствования организации производства и управления промышленными предприятиями: межвуз. сб. науч. тр. 2012. № 1. С. 15–21.

5. Рейтинговое агентство «РА Эксперт», офиц. сайт. URL: http://raexpert.ru/rankin-gtable/?table_folder=/region_climat/2005/typology (дата обращения: 02.10.2014).

6. Григорьев Л.М., Урожаева Ю.В., Иванов Д.С. Синтетическая классификация регионов: основа региональной политики // Российские регионы: экономический кризис и проблемы модернизации / под ред. Л.М. Григорьева, Н.В. Зубаревич, Г.Р. Хасаева. М.: ТЕИС, 2011. С. 340–342.

7. Абрамова Е.А. Определение стратегических направлений социально-экономического саморазвития регионов РФ на основе метода типологии // Современные наукоемкие технологии: регион. прил. 2014. № 1. С. 15–22.

8. Региональная экономика: учебник для вузов / Т.Г. Морозова, М.П. Победина, Г.Б. Поляк и др.; под ред. проф. Т.Г. Морозовой. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ, 2001. 472 с.

9. Бутс Б., Дробышевский С., Кочеткова О., Мальгинов Г. [и др.]. Альманах Ассоциации независимых центров экономического анализа. Вып. 8. URL: <http://www.bud-getrf.ru/Publications/Analysis/arett/arett200702081350/> (дата обращения: 01.07.2015).

10. Зубаревич Н.В. Социальное развитие регионов России: проблемы и тенденции переходного периода. М.: Изд-во «ЛКИ», 2007. С. 81–82.

11. Глушакова О.В. Типологизация регионов в контексте их экономического и социального развития // Сибирская финансовая школа. 2009. № 6. С. 13–16.

12. Куперштох В.Л., Соколов В.М., Суспицын С.А. Методические основы выделения депрессивных и отсталых регионов // Регион: экономика и социология. 1996. № 2. С. 3–13.

13. Глушакова О.В., Вайсберг Я.А. Оценка эффективности стратегической архитектуры системы публичного управления социально-экономическим развитием территории. Новосибирск: САФБД, 2014. 269 с.

14. Мухачёва А.В., Морозова Е.А. Подходы к типологизации регионов по качеству жизни населения // Сибирская финансовая школа. 2014. № 6 (107). С. 34–39.

15. Морозова Е.А., Мухачёва А.В. Подходы к типологизации регионов по уровню экономического развития // Современное государство: проблемы

социально-экономического развития: материалы VI Междунар. науч.-практ. конференции, 5 июня 2015 г. / отв. ред. А.Н. Плотников. Саратов: Изд-во ЦПМ «Академия бизнеса», 2015. 1 CD. С. 62–66.

16. Мухачёва А.В. Графический анализ динамических трендов как метод оценки степени влияния кризиса на качество жизни населения региона //

Региональная экономика: теория и практика. 2013. № 26. С. 61–64.

17. Морозова Е.А., Пастухова Е.Я., Головина О.В. Социологическая оценка уровня жизни населения // Человеческие ресурсы: проблемы инновационного развития и использования: сб. науч. тр. к 40-летию экон. фак. КемГУ. Кемерово, 2014. С. 158–165.